

Рабочий мир [Rabochīī mīr]. No. 1 1905

Sankt-Peterburg: Valerīan Arkhangel'skīī, 1905

<https://digital.library.wisc.edu/1711.dl/HCO6EM7TGUUYU84>

<http://rightsstatements.org/vocab/NoC-US/1.0/>

The libraries provide public access to a wide range of material, including online exhibits, digitized collections, archival finding aids, our catalog, online articles, and a growing range of materials in many media.

When possible, we provide rights information in catalog records, finding aids, and other metadata that accompanies collections or items. However, it is always the user's obligation to evaluate copyright and rights issues in light of their own use.

№ 1

ГОДЪ ИЗДАНІЯ 1-ый

№ 1

РАБОЧІЙ МІРЪ.

Общественно-Политическая, Литературная и
Экономическая газета.

Цѣна отдѣльнаго номера 5 коп.

Содержаніе: Отъ редакціи. 9-го января 1905 г. Земельный вопросъ. Государственная Дума съ исторической точки зрѣнія. Профессіональные рабочіе союзы. Хроника. Въ чемъ живутъ рабочіе на желѣзнодорожныхъ постройкахъ. Февральская стачка горнорабочихъ Донецкаго бассейна. Параллели. Щи. Въ кофти мазута. Статья Макъ-Кулла. Письма въ редакцію. Трибуна.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

„РАБОЧІЙ МІРЪ“

Временное помѣщеніе редакціи:

Сергіевская 16, кв. 20.

Открыта для переговоровъ ежедневно отъ
1 час. до 3 час. дня

Контора: Сергіевская 16, кв. 20.

Открыта для приѣма объявленій и подписки
ежедневно отъ 12 час. до 4 час.

Присылаемые рукописи должны содержать
фамилии и адреса авторовъ. Возвращеніе мел-
кихъ рукописей для редакціи не обязательно.

Рукописи по усмотрѣнію редакціи могутъ
быть исправляемы и сокращаемы.

Объявленія за строку нонпарели: впереди
текста — 30 коп. стр., позади текста — 15 коп.
стр. Предложеніе и спросъ труда и пр. — 10
коп. стр.

Объявленія о приисканіи труда
для рабочихъ и крестьянъ бесплатно.

Подписная цѣна на газету
„РАБОЧІЙ МІРЪ“:

На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 2 мѣс.	На 1 мѣс.
Р. К. Р. К. Р. К. Р. К. Р. К.	Р. К. Р. К. Р. К. Р. К. Р. К.	Р. К. Р. К. Р. К. Р. К. Р. К.	Р. К. Р. К. Р. К. Р. К. Р. К.	Р. К. Р. К. Р. К. Р. К. Р. К.
4 50 2 75 1 50 1 10 60	3 80 2 20 1 20 85 45	8 — 5 — 2 80 2 — 1 —		

Съ доставкой и пер.
Безъ доставки
За границу

Отдѣльный номеръ 3 коп.

Подписка принимается только съ 1-го и 15-го
числа каждаго мѣсяца
въ конторѣ редакціи.

Для рабочихъ, крестьянъ, сельскихъ учителей
и учащихся допускается скидка 15%.

За всякую перемѣну адреса, за исключеніемъ
городского на городской, уплачивается 25 коп.

Ввиду техническихъ затрудненій газета
„Рабочій Міръ“ временно будетъ выходить въ
видѣ журнала отъ 2 до 3 разъ въ недѣлю.

Подписавшіеся на газету временно будутъ
удовлетворяемы высылкою журнала.

Редакторъ-Издатель *Валеріанъ Архангельскій.*

РАБОЧИЙ МІРЪ.

Ежедневная

общественно-политическая, литературная и экономическая газета.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ 4 р. 50 коп.
 На 6 мѣс. . . . 2 „ 75 „
 На 1 мѣс. . . . — „ 60 „

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ:

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

Сергіевская, 16, кв. 20.

При необычайно тяжелыхъ обстоятельствахъ приступаемъ мы къ изданію нашей газеты. Слишкомъ годъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ русская жизнь, вѣками молчаливо катившаяся въ отведенномъ ей руслѣ, внезапно забурлила и выступила изъ своихъ тѣсныхъ береговъ. Пѣнистыя волны ся, окрашенные въ багряный цвѣтъ, залили всю нашу необъятную многострадальную землю и поглотили много человѣческихъ жизней. Сколько молодыхъ талантливыхъ силъ безвременно унесено въ сырую, мрачную могилу! Сколько осиротѣлыхъ семействъ оплакиваютъ своихъ дѣтей, отцовъ и матерей! Преступно въ такое время произносить лживыя слова. Одна только правда, какъ бы она ни была сурова, безрадостна, можетъ излѣчить нашу несчастную родину, можетъ возродить нашъ нѣкогда могучій, богатырскій народъ—нынѣ дошедшій до небывалаго еще въ нашей лѣтописи безсилія и немощи. Мы сознаемъ, какую тяжелую задачу беремъ на себя, выступая въ настоящее смутное, переходное время въ качествѣ представителей печати,—но стыдно, позорно молчать въ годину всенароднаго бѣдствія.

9-е Января 1905 г.

Ровно годъ тому назадъ въ С.-Петербургѣ началось движеніе, которое разлилось по лицу всей русской земли Рабочій пролетаріатъ, получивъ небывалую доселѣ возможность открыто собираться въ предоставленныхъ ему Фабрично-Заводскихъ Отдѣлахъ для обсужденія своего положенія, съ поразительной ясностью увидѣлъ безотрадную картину своей безысходной нужды въ связи съ бѣдственнымъ положеніемъ родины. Имъ овладѣло непреодолимое, безумное желаніе повѣдать міру свое горе,—живымъ, человѣческимъ языкомъ разсказать про свои страданія. Но куда идти? Народъ направился туда, куда издревле собирались его предки, когда хотѣли повѣдать міру свои

радости и горести. На площадь... Но какъ добраться до площади холодной, непривѣтливой столицы, вокругъ которой раскинулись убогія рабочія поселенія? Какъ добраться туда всѣмъ имъ и женамъ и дѣтямъ и престарѣлымъ родителямъ,—чтобы полнѣе и внушительнѣе звучалъ голосъ народа?—Надъ русской землею царила безпросвѣтная суровая зима. Шествіе скопомъ вмѣнялось въ государственное преступленіе. Народъ зналъ это; онъ предчувствовалъ, что лютаѣ смерть можетъ быть ему удѣломъ. И вотъ, въ слабой надеждѣ избѣжать напрасной гибели, онъ понесъ впереди священные изображения—иконы и хоругви. Онъ наивно думалъ подъ ихъ сѣнью и подъ ихъ защитой добраться до далекой площади и возвысить тамъ свой скорбный голъ съ. Народъ шелъ безоружный, одѣтый въ праздничную

чистую одежду,—шелъ на великій праздникъ приобщенія своего къ остальному міру, отъ котораго онъ, голодный и безправный, былъ до сихъ поръ отрѣзанъ. Но... грянули выстрѣлы, заалѣлъ ярко-бѣлый снѣгъ; одни за другими клонились долупередовые отважные пилигримы, словно подкошенные валились на землю женщины, малолѣтніе дѣти и престарѣлые старики... И не было уже мѣста ни въ больницахъ, ни на кладбищѣ.

Народъ, угрюмый и мрачный, удалился отъ бездушнѣйшей столицы. Онъ вернулся снова въ свое душное, тѣсное жилище. Какъ будто все стихло, какъ будто все смолкло,—какъ будто навѣки замолкнулъ голосъ, что готовился съ властной трогательностью прозвучать надъ русской землей. Но въ душѣ народной осталась обида.

Земельный вопросъ.

Относительно земельного вопроса въ связи съ крестьянствомъ у насъ въ социалистической литературѣ существуютъ два главныхъ теченія, два различныхъ по существу мнѣнія. Выразителемъ одного являются русскіе соц.-дем., выразителемъ другого—русскіе соц.-революціонеры.

— Крестьянство, утверждаютъ первые, является представителемъ такихъ формъ производства, которыя при капиталистическомъ строѣ должны итти къ уничтоженію, а потому мы должны смотрѣть на него не какъ на жизнеспособный классъ, а какъ на пережитокъ стараго строя, который всегда будетъ оказывать тщетное, но упорное сопротивленіе фатальному процессу своего исчезновенія. Слѣдовательно, для социализма оно является тѣмъ слоемъ, на который ни въ коемъ случаѣ нельзя опираться, какъ на городской пролетаріатъ.

Крестьянство подъ вліяніемъ экономической эволюціи (концентрація капитала) сегодня или завтра лишится своей собственности и, какъ будущій пролетаріатъ, онъ долженъ усвоить пролетарскія идеи касательно социальной революціи; крестьянинъ, будучи мелкимъ собственникомъ, не можетъ усвоить социалистическія идеи и такимъ образомъ тѣмъ скорѣе будетъ пролетаризация, тѣмъ лучше... И социалистъ долженъ итти къ нему лишь постолько, поскольку крестьянство пролетарируется или выражаетъ тенденцію къ пролетаризации.

— Нѣтъ, отвѣчаютъ соц.-революціонеры, крестьянамъ не угрожаетъ совершенная пролетаризация. Можетъ быть и пролетарируется одна часть крестьянъ (что дѣйствительно вѣрно), можетъ быть экономическое состояніе мелкихъ собственниковъ не особенно надежно и привлекательно, можетъ быть ихъ не ждетъ блестящая будущность, но все-же большая часть крестьянъ до самаго наступленія социалистическаго строя останется на землѣ. То мнѣніе, что мелкое крестьянство, которое живетъ собственнымъ трудомъ, а не чужой эксплуатацией и кромѣ того содержитъ миллионы дармоѣдовъ, что это самое крестьянство принадлежитъ къ буржуазному классу и не въ состояніи воспринять социалистическія идеи—мы считаемъ абсурдомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, бѣдность и матеріальное разореніе трудовой крестьянской массы не поддаются описанію. Эксплуатация крестьянъ и крайняя нужда достигла неимоверныхъ предѣловъ.

„Тяжела и непріятна жизнь крестьянина даже въ моменты сравнительнаго благополучія (въ урожайные годы, когда онъ имѣетъ еще возможность кое-какъ свести концы съ концами). Жилищемъ служитъ ему обычно 8—9 аршинная изба, высотой не болѣе сажени... До сихъ поръ нерѣдки курныя избы... Изба почти всегда крыта соломой, часто протекаетъ, а на зиму для тепла во многихъ мѣстностяхъ обкладывается почти до крыши навозомъ... Спать въ два этажа: на лавкахъ, нарахъ, печи. Полы почти всегда земляные, такъ какъ въ холода въ избу вносятся телята, ягнята и поросята; иногда вводится даже и корова. Сильная скученность населенія дѣлаетъ воздухъ тяжелымъ и какъ бы промозглымъ. Сырость

внутри, течъ черезъ крышу и навозъ снаружи быстро изнашиваютъ постройки; значительная часть ихъ подгнила... изо дня въ день поддерживается всевозможными домашними средствами—подпорками, подмазкой прогнившихъ угловъ и т. п. Бань почти нѣтъ. Моются крестьяне въ избахъ, въ печахъ, размазывая грязь по тѣлу... и почти всегда безъ мыла... Чесотка и другія болѣзни распространены въ ужасающихъ размѣрахъ... Такіе продукты, какъ мясо, крупа, сало, масло постное, являются на столѣ крестьянина лишь въ исключительные моменты его жизни, иногда два—три раза въ годъ; обычную-же пищу его составляютъ: хлѣбъ, квасъ, часто капуста и лукъ... При этомъ далеко не всегда крестьяне ѣдятъ столько, „сколько съѣдятъ“... *).

Вотъ какова картина деревенской жизни нашего трудового крестьянства. Несмотря на то, что крестьянинъ является создателемъ всего богатства, онъ лишенъ самыхъ необходимыхъ средствъ, даже насущнаго хлѣба—на его долю выпала постоянная нужда, голодъ и бѣдность.

Спрашивается, какъ выйти изъ этого заколдованнаго круга? Какъ помочь угнетенному крестьянину? Какъ разрѣшить весьма трудный по своей сложности земельный вопросъ? Права-ли соц.-демократія, утверждающая антиколлективистичность крестьянъ и возлагающая единственные надежды на экономическую эволюцію, на будущую пролетаризацию крестьянъ? Дѣйствительно-ли мелкая крестьянская собственность обречена на вѣрную гибель? Составляетъ-ли необходимое условіе социализации земли уничтоженіе мелкой собственности?

Возможно или нѣтъ осуществленіе социализации земли до уничтоженія мелкой собственности?

Вотъ тѣ жгучіе и животрепещущіе вопросы, разрѣшеніемъ которыхъ мы съ вами, читатель, займемся.

2.

Въ экономической жизни общества господствуетъ капиталистическій образъ производства. Крупное предприятие коснулось всѣхъ закоулковъ общественной жизни и своимъ могуществомъ разрушило и уничтожило прежній строй, утвердило новыя отношенія, ускорило теченіе жизни, внесло всюду безпокойство, создало неимоверныя богатства, умножило число бѣдныхъ—безпощадно смыло всякія препятствія и вполне воцарилось надъ современной жизнью.

Въ настоящее время оно проникло и въ деревни, оставило тамъ свои глубокіе и разрушительные слѣды. Землевладѣніе стало слишкомъ часто переходить изъ рукъ въ руки. Если поближе ознакомиться съ нашими или европейскими деревнями, то мы тамъ найдемъ не два экономическихъ класса, но больше.

На вершинѣ экономического благосостоянія стоитъ крупный землевладѣлецъ. Правда, наши крупные землевладѣльцы не обладаютъ обширными познаніями и не располагаютъ такимъ крупнымъ капиталомъ, какимъ пользуются наши западно-европейскіе сосѣди. У насъ „примѣрныхъ фермъ“ слишкомъ мало, сельскаго хозяйства съ интенсивнымъ характеромъ почти не существуетъ,

*) Записки тульской губернской земской управы.

химическихъ удобрений не примѣняютъ, а косилки, молотилки и тому подобныя машины, изъ которыхъ каждая замѣняетъ сотни человѣческихъ рукъ, мы рѣдко гдѣ находимъ. Но за то могущество нашихъ землевладѣльцевъ, это — обширность владѣній, огромныя и удобныя мѣстности; лѣса, пахатныя поля, покосы, пастбища и др. угодія у нихъ въ полномъ избыткѣ. Ввиду этого часть крестьянства, нуждающаяся въ лѣсномъ матеріалѣ, въ пахатныхъ поляхъ, пастбищахъ, выгонныхъ земляхъ, такъ такъ у нея всего этого нѣтъ (даже куренка не гдѣ выпустить) или, если есть, то не достаточное количество, — находится въ прямой зависимости отъ крупныхъ землевладѣльцевъ.

За крупными землевладѣльцами слѣдуютъ владѣльцы среднего состоянія. Къ этимъ владѣльцамъ среднего состоянія относятся въ большинствѣ случаевъ дворяне; къ нимъ-же нужно причислить болѣе состоятельныхъ крестьянъ и купцовъ среднего класса.

Вслѣдъ за этими двумя категоріями начинается мрачное царство бѣдствующаго класса: крестьяне временно обязанные, арендующіе земли, мелкіе собственники, батраки и др. Всѣ они живутъ собственнымъ трудомъ и находятся въ зависимости отъ землевладѣльцевъ высшаго и среднего классовъ.

Вотъ какіе элементы въ экономическомъ отношеніи мы въ нынѣшнее время замѣчаемъ въ деревняхъ. Какъ видно, платформы подобныхъ противоположностей существуютъ не только между высшими сословіями и крестьянами; тѣ-же противоположности существуютъ между крестьянами разныхъ состояній *).

Между различными по своему экономическому положенію элементами деревни, естественно, согласія быть не можетъ. Крестьянинъ, является-ли онъ арендаторомъ или владѣльцемъ мелкой собственности, не можетъ пріобрѣсти для себя самое необходимое изъ вещей домашняго обихода. Наши малоземельные, раззоренные крестьяне принуждены работать не на самихъ себя, а на богачей и капиталистовъ.

Нужда, необходимость въ деньгахъ, въ землѣ, пастбищъ принуждаютъ его обращаться то къ ростовщику, то къ крупному землевладѣльцу. А временно обязанный крестьянинъ вѣдъ всю свою жизнь трудится только лишь для того, чтобы потуже набить карманы того эксплуататора, отъ котораго онъ зависитъ. Онъ долженъ работать на кулака — ростовщика, у котораго находится въ неоплатномъ долгу; на скупщика торговца, который нагло, пользуясь его тяжелой нуждой, покупаетъ у него втридешево, продаетъ втридорога; на цѣлую свору чиновниковъ, которые опутали его съ головы до ногъ податями и налогами. Мелкіе собственники, арендаторы, временно обязанные и батраки — вотъ тѣ четыре категоріи крестьянъ, которые составляютъ подавляющее большинство нашей деревни.

Все дѣлается ихъ труда — мнихъ трудами со временъ предковъ приготовлены пахатныя земли, очищенные отъ

*) Подобныя дифференціи встрѣчаются, какъ мы говорили, не только у насъ въ Россіи, но и въ Западной Европѣ. Поэтому изученіе формъ западно-европейскаго землевладѣнія и способа обработки владѣній имѣетъ для насъ огромное практическое значеніе.

камней; они провели дороги, завели виноградники; ихъ вы видите въ лѣсахъ, на лугахъ и поляхъ, гдѣ они сѣютъ, пашутъ и рубятъ. Словомъ, они — производители, работники и творцы огромныхъ состояній...

Только въ награду за усердные и безпрестанные труды на ихъ горькую долю выпали голодъ, холодъ и другія нужды. Всю жизнь они проводятъ на ногахъ за безконечными трудами, выбиваясь изъ силъ, чтобы какъ-нибудь прокормить голодную жену и голодныхъ дѣтей; въ работахъ для крупныхъ землевладѣльцевъ, для ростовщиковъ и для благосостоянія государства они кончаютъ свое жалкое существованіе...

Скажите теперь, неужели не горькая насмѣшка, не злая иронія, когда этихъ несчастныхъ, этихъ трудолюбивыхъ рабовъ нѣкоторые „соціалисты“ (соц.-дем.) называютъ частью буржуазіи? Въ ихъ рукахъ орудіе производства — земля, они собственники, слѣдовательно и буржуйки! Ослѣпленные доктринеры никакъ не могутъ понять, что буржуа только тотъ, кто живетъ чужимъ трудомъ, кто угнетаетъ другихъ, а не тотъ, кто живетъ своими трудами, кого вѣчно угнетаютъ и эксплуатируютъ. Представитель подобнаго рода труда, крестьянинъ, будь онъ даже мелкій собственникъ, никогда не можетъ быть причисленъ къ классу буржуа, а потому социалистъ обязанъ защищать его интересы точно такъ же, какъ и интересы пролетаріата.

Такимъ образомъ, въ деревнѣ социализму можно имѣть въ виду только одну часть крестьянъ, въ число которыхъ входятъ мелкіе собственники, арендаторы, временно обязанные и батраки.

Съ другими элементами деревни не можетъ быть ничего общаго. Средній классъ (будь онъ крестьянинъ или дворянинъ) пользуется услугами батраковъ. Производительнымъ трудомъ этихъ обездоленныхъ онъ вполне обезпеченъ.

Ростовщикъ... устремляетъ всюду свои алчные взоры, дабы, стыскавъ нужду, разставить тамъ свои безжалостныя сѣти. Его благосостояніе зависитъ отъ нищеты и нужды крестьянства. Подобнымъ ростовщику является и крупный землевладѣлецъ, который, живя въ роскоши вдали отъ деревни, при посредствѣ управляющаго собираетъ ренту и другіе поборы! Въ его рукахъ земля, лѣсъ, виноградники, пастбища, покосы и пр. Въ его рукахъ все то, чѣмъ живетъ крестьянинъ, въ чемъ онъ такъ сильно нуждается, — въ его рукахъ орудія производства... И покамѣстъ будетъ существовать такая экономическая несправедливость, трудовое крестьянство и всѣ, кто только нуждается въ орудіяхъ производства (земля, лѣсъ или что-либо другое), останутся въ полномъ порабощеніи и угнетеніи у этихъ землевладѣльцевъ.

Слѣдовательно, интересы среднего класса, ростовщика и крупнаго землевладѣльца противоположны интересамъ трудового крестьянства.

Ивановъ-Миріановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Государственная Дума съ исторической точки зрѣнія.

Во всякомъ развивающемся государствѣ наступаетъ съ роковой неизбежностью желѣзныхъ законовъ исторіи моментъ, когда режимъ абсолютизма, основанный на произвольномъ и безконтрольномъ распоряженіи финансами, долженъ признать себя несостоятельнымъ. Тогда обыкновенно начинаютъ съ увеличенія налоговъ, но населеніе, истощаясь мало по малу, наконецъ уподобляется камню, изъ котораго никакими усилиями нельзя извести воды. Въ этомъ случаѣ прибѣгаютъ къ усиленнымъ вѣншимъ и внутреннимъ займамъ. Но и то не можетъ продолжаться вѣчно. Наступаетъ моментъ, когда всякій кредитъ вѣншій и внутренній истощается въ конецъ. Тогда остается единственный исходъ—прибѣгнуть къ содѣйствію самого народа и созвать народныхъ представителей для того, чтобы обезпечить себѣ новые кредиты. Два государства могутъ быть названы типичными въ этомъ отношеніи: наиболѣе старое изъ всѣхъ государствъ новѣйшей исторической формаціи—Франція и наиболѣе юное—Россія. Остальные государства во время предотвратили наступленіе финансоваго кризиса болѣе или менѣе современнымъ реформированіемъ своихъ режимовъ.

Правительство Людовика XVI только въ силу финансовыхъ затрудненій принуждено было обратиться къ совѣту и содѣйствію всего французскаго народа и созвать Генеральныя Штаты. И въ самомъ дѣлѣ, въ моментъ созыва Генеральныхъ Штатовъ займы увеличились до колоссальной въ тѣ времена для сравнительно небольшой страны сумма—милліарда шестисотъ сорока шести милліоновъ франковъ. И что важнѣе всего въ доходахъ сталъ появляться ежегодный дефицитъ въ 140 милліоновъ франковъ.

Что касается Россіи, то уже наканунѣ Японской Войны въ нашемъ отечествѣ съ грустью принуждены были признать въ своихъ отчетахъ, что «налоги не могутъ быть увели-

чиваемы болѣе»... Недоимки возростали съ каждымъ годомъ. Никакая «энергія» сборщиковъ податей уже не помогала... Налоги на потребление, косвенные налоги, произвольное увеличеніе которыхъ не требуетъ специальныхъ финансовыхъ познаній, возросли до неслыханныхъ на западѣ размѣровъ. Все, что можно было «обложить», было обложено. «Голодовки въ деревняхъ стали хроническими въ силу того, что подати уже давно стали превышать скромные доходы крестьянина, въ силу чего сельское хозяйство падало съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Все это повело къ вырожденію расы, что можно доказать записями о все увеличивающемся процентѣ неспособныхъ носить оружіе новобранцевъ. Наконецъ болѣзненность и смертность возросла въ странѣ до того, что согласно даннымъ, добытымъ дѣятелями Пироговскихъ Сѣздовъ, еще до начала войны во многихъ мѣстностяхъ Россіи смертность стала превышать рождаемость. Особенно ужасающихъ, неслыханныхъ на Западѣ размѣровъ достигла смертность среди дѣтей. Россія начала вымирать.. Люди, которые съ такой охотой любили, бывало, толковать на тему о вырожденіи Франціи, принуждены были по неволѣ нѣсколько призадуматься надъ положеніемъ своего собственнаго отечества; что же касается промышленности, то никакія «покровительственныя системы» уже не были въ силахъ оживить «картонную мануфактуру» и «призрачный заводъ». Въ странѣ съ короткими промежутками уже четвертый годъ тянулся торговый кризисъ... Свободныхъ денегъ становилось все меньше да меньше, на что указывала и дороговизна кредита и высота банковыхъ процентовъ. Свободная золотая наличность къ началу 1904 года равнялась 350 милліонамъ. Но самое главное,—государственный долгъ возросъ до 7 милліардовъ. Старые займы приходилось покрывать новыми. Но минутный блескъ, какъ это оказалось позже, военного могущества Россіи, но колоссальная величина ея территоріи еще поддерживали къ ней довѣріе въ Европѣ, еще обезпечивали ей новые и новые креди-

ты — еще могли отсрочить, быть можетъ, на нѣсколько десятковъ лѣтъ надвигающійся финансовый кризисъ.

Но именно безконтрольность дѣйствій толкнула ее на путь столкновенія съ юнымъ маленькимъ народомъ, который уже давно жадно изучалъ свою гигантскую противницу, давно учитывая тѣ слабыя стороны ея военного могущества, которыя порою ускользали даже отъ самыхъ проникательныхъ людей въ Россіи. Можно было ожидать чего угодно, но только не пораженія на полѣ брани. А пораженіе это неминуемо должно было произойти именно въ силу безконтрольнаго распоряженія финансами, неравномѣрнаго и недостаточнаго распредѣленія ихъ между вѣдомствами. Въ русскомъ обществѣ было распространено вплоть до текущей минуты убѣжденіе, что «государство издавна всѣ доходы тратило на армію и флѣтъ»; это абсолютно невѣрно, государство тратило всѣ доходы на содержаніе администраціи, на постройку желѣзныхъ дорогъ — на что угодно, но именно на государственную оборону оно тратило такъ поразительно мало, что по размѣру своего военного бюджета до начала войны съ Японіей оно занимало послѣднее мѣсто среди Европейскихъ государствъ! Въ этомъ отношеніи мы должны считать драгоценными изслѣдованія Бутми, сдѣланные имъ еще до начала войны (1901 года *Карманный Военный Календарь*). Интересно взглянуть на таблицу военныхъ бюджетовъ государствъ Европы. Не принимая въ расчетъ Великобританію, которая въ силу своего особаго «военнаго положенія» при населеніи въ 398, 110,262, затрачиваетъ на содержаніе каждого служащаго въ арміи 1931 р. 53 к., бросимъ взглядъ на остальные Европейскія государства. На первомъ мѣстѣ должна быть поставлена Германія, затрачивающая при 54,824,000-мъ населеніи на содержаніе одного человека офицера или солдата въ годъ 543 р. 18 к. На послѣднемъ мѣстѣ стоитъ Россія, затрачивающая при населеніи въ 140,000,000 на содержаніе каждого человека въ арміи всего только 299 рублей 91 к. въ годъ.

И такъ содержаніе каждаго чело-
вѣка въ арміи обходится 299 руб.
91 к. въ Россіи всего только не-
полныхъ 25 рублей въ мѣсяцъ. На
эти то жалкіе 25 рублей приходи-
лось еще сверхъ того поддерживать
по свидѣтельству Бутми военныя уче-
ныя и врачебныя заведенія, всю
электротехническую часть, минныя
роты, воздухоплавательныя парки и
наконецъ кавалерію!!! И удивитель-
нѣе всего то, что по наружности
все было такъ внушительно, такъ
величественно, что внѣшніе враги
въ Европѣ держались въ постоян-
номъ страхѣ передъ военнымъ мо-
гуществомъ Россіи. Но... при столкно-
веніи съ суровой исторической дѣй-
ствительностью это могущество ока-
залось призрачнымъ. Въ моментъ
войны въ русскихъ войскахъ не было
даже самыхъ элементарныхъ при-
способленій, не говоря уже о раз-
ныхъ диковинныхъ воздухоплавате-
льных снарядахъ. Во время же войны
содержаніе войскъ производилось
на добровольныя даванія общества,
которыя, сообразно его настроенію,
то увеличивались до значительныхъ
размѣровъ, то вдругъ почти совер-
шенно изсякали. Поистинѣ можно
только изумляться, что русскія вой-
ска съ ея картоннымъ флотомъ еще
могли какимъ-то чудомъ держаться
въ теченіе полутора года! Тамъ у
береговъ Тихаго Океана на далекихъ
поляхъ негостепріимной Манчжуріи
сыны Россіи искупили своею до-
блестной смертью грѣхи стараго ре-
жима и подготовили наступленіе
поваго.

Небывалое, неслыханное пораже-
ніе, нанесенное дерзновенною рукою
маленькаго народа сѣверному испо-
лину, вдругъ разомъ сдвинуло ка-
мень тысячелѣтняго довѣрія народа.
Началась на русской землѣ небыва-
лая, неслыханная смута, которая
еще болѣе усилила ея финансовое
недомоганіе, превративши разомъ
хроническую застарѣлую хворь въ
острый припадокъ болѣзни. Въ
странѣ съ небывалой силой разра-
зился финансовый кризисъ. Торговые
обороты сокращаются до предѣль-
ныхъ размѣровъ. Недалеко то время,
когда громоздскій неуклюжій финан-
совый механизмъ Россіи станетъ на
мертвую точку. Сообразно этому

сталь подрываться и кредитъ. По-
слѣдніе сто миллионъ были добыты
не безъ затрудненія... Народы, ум-
дренные своимъ историческимъ опы-
томъ, очень недвусмысленно поставили
обеспеченіе новыми кредитами Россіи
въ прямую зависимость отъ скорѣй-
шаго созыва ея народныхъ пред-
ставителей. Безвыходное положеніе
побудило правительство обратиться
къ созыву народныхъ представителей.
Но народные представители, которые
имѣются въ виду, не могутъ быть
истинными выразителями народа, не
могутъ слѣдовательно вывести страну
изъ экономического затрудненія. Но
созывъ даже такихъ несовершенно-
лѣтнихъ представителей замедляется.
Ссылаются обыкновенно на то, что въ странѣ—
смута. Получается какой-то заколо-
ванный кругъ. *«Смута» царитъ
именно оттого, что не собирается
«Дума», Дума не собирается от-
того, что царитъ смута!* Сверхъ
того, правильный созывъ народныхъ
представителей не можетъ быть про-
изведенъ безъ предварительной сво-
боды собраній и свободы слова.

Достоинъ примѣчанія то обстоя-
тельство, что въ этомъ отношеніи
Франція конца 18 столѣтія была въ
несравненно лучшихъ условіяхъ,
чѣмъ Россія въ началѣ XX вѣка.
Во Франціи выборы могли быть
произведены съ полной свободой,
такъ-какъ существовала полная сво-
бода собраній. Что касается свободы
слова, то она еще за годъ до созванія
Штатовъ была буквально наводнена,
если не газетами, то брошюрами и
листочками, свободно разъясняющими
народу его нужды.

Разруха все растетъ, а созывъ
народныхъ представителей все заты-
гивается...

Варвара Архангельская.

Профессиональные рабочіе союзы.

Послѣднія событія, выбросившія у
насъ на улицу десятки тысячъ голод-
ныхъ пролетаріевъ вмѣстѣ съ женами и
дѣтьми, наглядно доказали необходи-
мость немедленной же организаціи рабо-
чихъ въ профессиональные союзы. Эти
союзы спланиваютъ рабочую массу и ма-
териально поддерживаютъ своихъ чле-
новъ въ случаѣ болѣзни, старости, увѣчья
или потери работы. И еслибы рабочіе

у насъ были организованы въ профес-
сиональные союзы, они не испытывали-
бы теперь такой сплошной, ужасающей
нищеты, такого безграничнаго отчая-
нія при видѣ своихъ умирающихъ го-
лодной смертью дѣтей. За послѣднее
время ко мнѣ неоднократно приходили
рабочіе съ просьбой содѣйствовать ока-
занію имъ матеріальной помощи для
того, чтобы спасти свои семейства отъ
голода; жутко становилось, когда пер-
едъ вами закаленныхъ въ суровой борь-
бѣ за существованіе рабочихъ вдругъ
принимался безпомощно рыдать, какъ
ребенокъ, и, прижимая руки къ лицу,
прерывающимся голосомъ рассказы-
валъ про свои невѣроятныя лишенія и
страданія.

Люди, стоящіе близко къ рабочему
пролетаріату, ужасаются при одномъ
только воспоминаніи о мучительномъ
бѣдствованіи рабочихъ. Наконецъ, кому
не приходилось видѣть въ наши дни
на улицѣ приниженныхъ, отверженныхъ
людей, въ убогой одеждѣ, дрожащихъ
отъ холода, робко вымаливающихъ по-
дающаго у сытыхъ, нарядныхъ прохо-
жихъ? То—русскій рабочий, выброшен-
ный на произволъ судьбы, принужден-
ный поступаться своимъ человѣческимъ
достоинствомъ, лишъ-бы только не уме-
реть съ голоду подобно бездомной со-
бацѣ.

Полнѣйшая необеспеченность огром-
ной массы нашихъ рабочихъ на случай
черныхъ дней не позволяетъ имъ опи-
раться исключительно на самихъ себя.
Измученный, изможденный пролетаріатъ
видитъ себя на краю гибели и поне-
воль обращается за униженной по-
дачкой къ буржуа, которые сплошь
и рядомъ съ презрѣніемъ отворачива-
ются отъ своего обездоленного собрата.
Равнодушіе буржуазнаго общества къ
несчастному бѣдному люду одинаково
во всѣхъ странахъ. Беллами, поражен-
ный видѣнной имъ картиной души раз-
дирающихъ страданій бѣдняковъ, пи-
шетъ: «Я былъ на Голгофѣ и видѣлъ
Человѣчество, распятое на крестѣ! Не-
ужели никто изъ васъ не знаетъ, что
бокъ-о-бокъ съ вами живетъ великое
множество мужчинъ и женщинъ, кровь
отъ крови вашей,— живетъ жизнью,
представляющею изъ себя сплошную
агонію отъ колыбели до могилы? Слу-
шайте! ихъ жилища такъ близки, что,
если замолкнетъ вашъ смѣхъ, вы услы-
шите ихъ жалобные голоса, плачъ ма-
лютокъ... Чѣмъ вы заткнули себѣ уши,
что не слышите этихъ звуковъ?» Дѣй-
ствительно, чѣмъ заткнули себѣ уши
богатые буржуа, что не слышатъ во-
плей и стонъ своихъ меньшихъ бра-
тьевъ? Бездушнымъ, черствымъ себялю-
біемъ, боготвореніемъ золотого тельца!
Богатый классъ помогаетъ бѣднякамъ
только въ тѣхъ случаяхъ, когда почему-
либо нуждается въ нихъ. Одна только
прогрессивная интеллигенція способна
болѣть и страдать за обездоленный

людь, но она въ большинствѣ случаевъ сама терпитъ матеріальную нужду и потому зачастую въ состояніи удѣлять бѣднякамъ лишь жалкіе гроши. Рабочій пролетаріатъ въ Англіи понялъ, что рабочимъ для успѣшной борьбы за свои права чрезвычайно важно матеріальное обезпеченіе пострадавшихъ товарищей и что въ этомъ отношеніи имъ остается рассчитывать только на самихъ себя. И англійскіе рабочіе добились признанія за ними права безпрепятственно спланиваться въ профессиональные союзы, гдѣ-бы они могли въ случаѣ нужды пользоваться поддержкой при посредствѣ союзныхъ кассъ, образуемыхъ изъ членскихъ взносов рабочихъ. Подобнаго рода союзами покрыта въ настоящее время вся Англія.

Въ Англіи въ 1879 г. было 1.200.000 членовъ профессиональных рабочихъ, причемъ они владѣли союзнымъ имуществомъ на 20 милліоновъ рублей.

Въ 1900-мъ г. было 609 союзовъ съ 1.905.116 членами. Въ 1902 году—1190 союзовъ съ 1.924.809 членами. Въ теченіе 10-ти лѣтъ, съ 1892 по 1903 годъ, англійскіе профессиональные союзы израсходовали: на пособие безработнымъ членамъ—42.000.000 р.; на пособие больнымъ, престарѣлымъ и пострадавшимъ отъ несчастныхъ случаевъ членамъ, а также на похороны—73.000.000 р.; на пособие для забастовщиковъ—34.000.000 р. и на другія нужды—38.000.000 р. Въ Германіи точно также имѣется цѣлая стѣя профессиональных союзовъ, которые сплотили огромное количество рабочихъ, владѣютъ милліоннымъ имуществомъ и поддерживаютъ своихъ членовъ въ трудную минуту жизни. Благодаря этому германскіе рабочіе союзы имѣли возможность оказывать тамошнему пролетаріату огромныя услуги въ дѣлѣ борьбы труда съ капиталомъ. Они послужили оплотомъ и для политическаго движенія германскихъ рабочихъ. Такіе союзы существуютъ и въ другихъ просвѣщенныхъ странахъ, гдѣ рабочее движеніе сильно развито.

У насъ профессиональные рабочіе союзы стали возникать лишь за послѣдніе мѣсяцы, на нашихъ глазахъ. За короткое время они успѣли уже подвергнуться ударамъ судьбы. Такое положеніе дѣла угрожаетъ дальнѣйшему развитію едва только народившагося у насъ профессиональнаго рабочаго движенія. Но интересы нашего рабочаго пролетаріата чересчуръ тѣсно связаны съ нимъ.

Валеріанъ Архангельскій.

Хроника.

Политическіе преступники. Въ тюрьмѣ на Выборгской сторонѣ „Кресты“ пытался прикончить съ собой заключенный за политическія убѣжденія Леонидъ Веселый. Онъ повисился на полотенцѣ. Съ слабыми признаками жизни его вынули изъ петли и помѣстили въ больницу при тюрьмѣ. Жизнь его внѣ опасности. (Молва).

Одинъ изъ сотрудниковъ Волны, проведенный въ холодногорской тюрьмѣ 2 дня, сообщаетъ слѣдующее. Харьковское исправительное арестантское отдѣленіе переполнено арестованными въ административномъ порядкѣ. Большинство арестованныхъ, среди которыхъ имѣются: профессоръ, доктора, адвокаты, инженеры, студенты, служащіе на жел. дор. и рабочіе, несмотря на то, что томятся въ заключеніи около мѣсяца, не знаютъ еще, въ чемъ заключается ихъ „преступленіе“ и за что они подвергнуты задержанію. Между тѣмъ, условія жизни въ холодногорской тюрьмѣ, въ особенности въ корпусѣ „ночное разъединеніе“, невозможны. Небольшія клѣтки, напоминающія собой курятникъ, получающія свѣтъ не прямо съ улицы, а съ коридора и назначенныя для специальной цѣли „ночного разъединенія“ уголовныхъ, „любозно“ предоставлены администраціей политическимъ арестованнымъ. Въ корпусѣ „ночное разъединеніе“, предоставляемому уголовнымъ только на ночь, политическіе вынуждены проводить цѣлый день и ночь. Мрачная антигигиеническая обстановка при полной неопредѣленности и неизвѣстности о дальнѣйшей судьбѣ, помимо вреда для здоровья, вызываетъ еще особенно нервное, повышенное настроеніе духа заключенныхъ.

3-го января въ холодногорской тюрьмѣ политическій заключенный, рабочій типографіи Бенгиса, Федоръ Садовничій перерѣзалъ себѣ горло. Садовничій былъ доставленъ въ Александровскую больницу, гдѣ и умеръ. Послѣ покойнаго осталась вдова и 7 дѣтей безъ всякихъ средствъ къ существованію.

(Рус. Вѣд.).

— За послѣдніе три недѣли арестованные заполнили всѣ петербургскія тюрьмы. Всего въ пересыльной тюрьмѣ приблизительно 250 политическихъ; тюрьма переполнена. Многіе изъ заключенныхъ сидятъ уже болѣе двухъ недѣль безъ допроса. Почти ко всѣмъ предъявляется обвиненіе по 101, 102 и 126 статьямъ Уголовнаго Уложенія. Домъ предварительнаго заключенія переполненъ до такихъ размѣровъ, что новаго приѣма въ него арестованныхъ не производится. Въ однихъ только одиночныхъ камерахъ содержится болѣе 700 человекъ. (Молва).

Больницы для тюремъ. Въ петербургскую городскую больницу комиссію поступило отъ соотвѣствующихъ властей предложеніе—не найдетъ ли комиссія возмож-

нымъ освободить помѣщенія или отдѣльные бараки для устройства помѣщеній для арестованныхъ, такъ какъ все уже полно и больше некуда сажать. (Молва).

„Свобода“ печати. Въ петербургской судебной палатѣ въ настоящее время по обвиненію редакторовъ и издателей въ преступленіяхъ по дѣламъ печати назначено на очередь 102 дѣла. (П. Г.).

„Политическое“ преступленіе. Въ селѣ Георгіевскомъ (Орловской губ.) арестованъ діаконъ Вавиловъ. При обыскѣ, какъ сообщаетъ „Орл. Вѣстн.“, найдена программа конституціонно-демократической партіи.

(Б. В.).

Забастовка. 9 января бастовали въ Петербургѣ всѣ фабрики и заводы за немногими исключеніемъ. У воротъ бастующихъ заводовъ стояли усиленные наряды солдатскихъ патрулей. 10-го января работы на заводахъ возобновились. (Молва).

Отказъ служить панихиды. 9-го января на преображенскомъ кладбищѣ совершены заупокойныя молитвы, то же самое и на многихъ фабрикахъ и заводахъ; эти заупокойныя молитвы замѣнили панихиды, которыя служить духовенство отказалось. (Сл.).

Судъ чести. Рѣшено ввести на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ суды чести служащихъ. Составъ суда будетъ выбираться самими служащими въ числѣ шести человекъ. Вѣдѣнію суда чести подлежатъ обвиненія въ оскорбленіи словами или дѣйствіемъ своихъ товарищей и сослуживцевъ, грубомъ обращеніи съ низшими служащими или рабочими, неблаговидныхъ и недобросовѣстныхъ дѣйствіяхъ съ цѣлью увеличенія своего заработка, нанесеніи какого-либо ущерба своимъ товарищамъ. (Сл.).

Изданія союзовъ. Въ настоящее время выходятъ слѣдующія періодическія изданія профессиональных организаций:

„Профессиональный Союзъ“—справочный журналъ центрального бюро с.-петербургскихъ рабочихъ союзовъ. Адресъ редакціи ССПБ. Усачевъ пер. д. 6. Вышли №№ 1—4.

„Бюллетени Музея Содѣйствія Трудѣ“—изданіе московскаго бюро уполномоченныхъ профессиональных союзовъ. Адресъ редакціи: Москва, Рождественка д. Хлудовыхъ, кв. 60. Вышли №№ 1—2.

„Печатный Вѣстникъ“—еженедѣльный журналъ союза рабочихъ печатнаго дѣла. Адресъ редакціи ССПБ., Торговая, д. 25, 2. Вышли №№ 1—20.

„Листокъ Союза Рабочихъ Портныхъ, Портныхъ и Скорняковъ“ выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ. Адресъ редакціи: Казачій пер. д. 6, кв. 41. Вышли №№ 1—2.

„Контрщикъ“—журналъ союза конторщиковъ и бухгалтеровъ. Вышелъ № 1. (Н. Х.).

Братская помощь. Рабочіе путловскаго завода кузнечной мастерской рѣшили жертвовать отъ 1 до 2 и 3-хъ процентовъ съ ежемѣсячнаго заработка, что даетъ въ общемъ 310 р., въ комиссію безработныхъ для голодающихъ рабочихъ—„братьевъ по труду“. Они надѣются, что и другіе рабочіе послѣдуютъ ихъ примѣру, имѣя въ виду возможность очутиться теперь каждому рабочему безъ заработка и голодать. (Н. Х.).

Въ чемъ живутъ рабочіе на железнодорожныхъ построй- кахъ.

Санитарное состояніе жилищъ на постройкахъ желѣзныхъ дорогъ поставлено всюду одинаково скверно, и трудно, кажется, найти равную отрасль труда, гдѣ примѣняется большее количество рабочихъ рукъ и гдѣ-бы такъ мало обращалось вниманія на упорядоченіе жилищъ.

Типичнымъ жилищемъ служитъ баракъ-землянка изъ досокъ, стѣны котораго не превышаютъ 1—1½ аршинъ отъ земли. Крыша держится на подставкахъ, поставленныхъ въ противоположныхъ концахъ барака, по его длинѣ.

При постройкахъ бараконъ не принимается въ расчетъ ни тяжесть крыши, ни прочность досчатыхъ стѣнъ, почему нерѣдко стропила въ нихъ развѣзжаются и «баракъ» обрушивается на спящихъ рабочихъ, слѣдствіемъ чего бываютъ ушибы, которые и служатъ иногда причиною полной потери трудоспособности рабочаго. Такіе именно случаи, по сообщенію Костромского Листка (1903 г.), были на постройкѣ Сѣверной дороги.

Баракы обыкновенно строятся съ расчетомъ, чтобы можно было помѣстить человѣкъ 20—30.

Снаружи стѣны и крыши обкладываются землей, дерномъ, но въ первые-же дожди и вѣтры все это размягчается, разрыхляется и сквозь нихъ свободно пробивается дождь, снѣгъ и стужа. Въ баракахъ имѣется одно небольшое окошечко, безъ форточекъ, такъ что тамъ всегда полумракъ, и искусственной вентиляціи въ нихъ нѣтъ никакой.

Вдоль барака по обѣимъ сторонамъ размѣщаются нары, безъ перегородокъ и головныхъ подставокъ, и рабочіе спятъ на нихъ вплотную. Тутъ-же на нарахъ валяются измятая солома, сѣнники, служащіе для подстилки, свитки и армяки, замѣняющіе одѣяла, сундучки и котомки рабочихъ.

Въ мѣстахъ-же съ очень рѣдкимъ населеніемъ, какъ вообще на сѣверѣ и въ Сибири, часто жилищемъ для рабочихъ служатъ шалаши,

устроенные изъ хвойныхъ вѣтвей, а въ тихую сухую погоду рабочіе располагаются и спятъ совсѣмъ на открытомъ воздухѣ между зажженными кострами.

Такъ они живутъ первые дни, пока не выстроятъ себѣ избушекъ. Избушки устраиваются изъ валежнаго лѣса и онѣ болѣе похожи на клѣтку, грубо срубленную изъ необтесанныхъ толстыхъ и короткихъ бревенъ.

Высота такой избушки будетъ самое большее 1½ аршина, а ширина и длина приблизительно сажень—двѣ. Въ потолокъ избушки оставляется отверстіе, открывающееся во время надобности дощечкою—это дымовая труба.

Въ одной стѣнѣ оставляется отверстіе для окна, а въ другой для двери и войти въ такую избушку можно, если согнуться «въ три погибели».

Полъ въ избушкѣ устилается хвоей, сѣномъ, негодной и измятой соломой и на этомъ спятъ рабочіе. Спятъ они не раздѣваясь, въ одеждѣ и валенкахъ, и всегда въ такомъ количествѣ, сколько можетъ на полу улечься вплотную.

Въ избушкахъ и днемъ и ночью горитъ огонь, почему тамъ душно и дымно и единственно возможно дышать не задыхаясь, если лечь лицомъ къ землѣ.

Во время отопленія избушки часто дверь и всѣ прочія отверстія открываются, чтобы скопляющіеся во время топки дымъ и копотъ скорѣе могли удалиться. Вслѣдствіе притекающей постоянно въ избушку холодной струи воздуха и сна, проведеннаго на сырой, холодной землѣ, рабочіе всегда простуживаются.

Дымъ отъ постоянно горящаго огня вредно вліяетъ на дыхательные органы, а главнымъ образомъ на глаза.

Бронхиты, мышечные ревматизмы, невралгіи, болѣзни вѣкъ—наиболѣе частыя болѣзни среди рабочихъ, приготавливающихъ просѣку и работающихъ преимущественно поздно осенью или зимою, когда и болотистыя мѣста, которыхъ такъ много въ первобытныхъ лѣсахъ нашего сѣвера, замерзаютъ.

Въ нѣсколько лучшемъ положеніи

находятся рабочіе вблизи деревень и селъ. Въ такомъ случаѣ они послѣ работы уходятъ опять туда, но такъ какъ въ деревняхъ обыкновенно приспособленныхъ свободныхъ избъ нѣтъ, то всѣ рабочіе размѣщаются въ общихъ избахъ съ семействами крестьянъ, что неизбѣжно влечетъ чрезвычайную скученность и болѣзни.

Невыгода такихъ квартиръ заключается еще и въ томъ, что, во-первыхъ, рабочими изъ своего скуднаго заработка приходится прожить за ночлегъ полтинникъ—рубль въ мѣсяцъ, а во вторыхъ нужно очень рано вставать, чтобы поспѣть на работу за двѣ—пять верстъ отъ села.

Но и такую роскошь не всѣ рабочіе пользуются—многіе спятъ въ сараяхъ и конюшняхъ.

— Гдѣ-же врачи? Гдѣ-же ихъ надзоръ?—спроситъ читатель.

Но въ томъ-то и бѣда, что роль медицинскаго персонала въ данномъ случаѣ ограничивается только отмѣткой санитарныхъ не порядковъ, такъ какъ подрядчики, имѣя на своей сторонѣ инженеровъ, не всегда сочувствующихъ санитарнымъ требованіямъ врачей, не признаютъ этихъ требованій.

Врачъ.

Февральская стачка горнора- бочихъ Донецкаго бассейна.

Вскорѣ послѣ январскихъ событій въ Петербургѣ и цѣлаго ряда забастовокъ и демонстрацій рабочихъ въ другихъ большихъ городахъ и крупныхъ промышленныхъ центрахъ Россіи, началось броженіе также и среди горнорабочихъ Донецкаго бассейна. Для горнорабочихъ, измученныхъ ужасными условіями работы, которой по трудности и опасности нѣтъ равной, кровавыя событія 9-го января 1905 года послужили сигналомъ и уже въ половинѣ февраля на многихъ рудникахъ рабочими подавались администраціи петиціи и заявленія съ политическими и экономическими требованіями.

Важнѣйшія изъ предъявленныхъ требованій были слѣдующія: восьмичасовой рабочий день, свобода слова и печати, свобода союзовъ и стачекъ, увеличеніе заработной платы на 20—25%, полная отмѣна штрафовъ, устройство чайныхъ, читальнъ и библиотекъ для

рабочихъ, замѣна землянокъ каменными домиками, расширение и устройство новыхъ школъ, увеличеніе медицинскаго персонала, улучшеніе санитарныхъ условій рудниковъ, отмена принудительныхъ сверхурочныхъ работъ, улучшеніе условій оптскаго и женскаго труда, уничтоженіе премій для администраціи, отмена подрядческихъ работъ, бесплатная подвозка угля и воды, отмена платы за квартиры, участіе рабочихъ въ расцѣнкѣ работъ, гарантія неприкосновенности депутатовъ какъ со стороны рудничной администраціи, такъ и со стороны полиціи, точка банъ не менѣе 2-хъ разъ въ недѣлю, вывозъ нечистоты.

Изъ предъявленныхъ требованій главнѣйшія экономическія были администраціей отвергнуты полностью (про политическія, конечно, уже и говорить не приходится). Приняты были лишь тѣ требованія, которые для осуществленія своего потребовали-бы самыхъ незначительныхъ затратъ, а также тѣ, которые даже и гроша не должны стоить, какъ, на примѣръ, хлопоты объ устройствѣ чайныхъ-читаленъ и библиотекъ для рабочихъ.

А на нѣкоторыхъ рудникахъ очень богатыхъ изъ нѣсколькихъ десятковъ требованій, предъявленныхъ рабочими, администрація изъявила согласіе только на то, чтобы почаще топить бани для рабочихъ, вычищать мусорные ящики. Была принята еще какая-то мелочь.

Горнорабочіе, не получивъ удовлетворенія въ своихъ главнѣйшихъ требованіяхъ, забастовали сначала на единичныхъ рудникахъ Горловскаго района, а потомъ забастовки, то прекращаясь на однихъ шахтахъ, то возобновляясь на другихъ, охватили чуть-ли не весь Донецкій бассейнъ въ теченіе февраля мѣсяца.

Но положеніе забастовавшихъ вездѣ было отчаянное. На всѣхъ рудникахъ появились солдаты и казаки, которые при малѣйшей попыткѣ собраться разгоняли рабочихъ и даже стрѣляли. На Щербиновскомъ рудникѣ нѣкоторые рабочие острили надъ казаками, прѣхавшими воевать съ мирными обывателями, а ребята бросали въ солдатъ камнями. Войска начали стрѣлять почти въ упоръ въ рабочихъ. Послѣ 3 залповъ на мѣстѣ осталось убитыми 2 и 12 ранеными, изъ которыхъ двое умерло въ рудничной больницѣ. Среди жертвъ были нѣкоторые съ 4—6 пулями. Въ результатѣ февральская стачка горнорабочихъ окончилась не въ пользу забастовщиковъ. Горнорабочіе не добились никакихъ улучшеній и это послужило одной изъ главныхъ причинъ возникновенія недавней декабрьской стачки, болѣе внушительной и грозной.

Горнорабочій.

Параллели.

•••••

Бываютъ воспоминанія, которыя неизгладимо врѣзаются въ память.

Это было въ дни, когда многолѣтняя гнетущая, безпросвѣтная реакція густымъ туманомъ облегла русскую жизнь, въ дни, когда особенно дорого было каждое живое слово.

Хмурый петербургскій день... Капли дождя, расплываясь, сбѣгаютъ по стеклу оконъ. Въ большой аудиторіи въ полутьмѣ съ трудомъ различаешь лица затихшей въ напряженномъ вниманіи толпы молодежи. Съ каедрой говоритъ профессоръ. Ровно и спокойно звучитъ его голосъ, но слова его трепетнымъ волненіемъ отзываются въ душахъ молодыхъ слушателей.

Онъ говоритъ о томъ, цѣною какихъ геройскихъ усилій народъ, холодный по натурѣ, но стойкій и упорный въ борьбѣ, добылъ нерушимыя гарантіи свободы—говоритъ о томъ клочкѣ бумаги, стоимшемъ цѣлыхъ потоковъ крови, о знаменитомъ актѣ Habeas Corpus, который съ 1679 года обезпечивалъ англійскому народу его великое завоеваніе—права личной неприкосновенности гражданъ.

Онъ говоритъ объ этихъ давнишнихъ бранныхъ подвигахъ старинныхъ героевъ и о той будничной, повседневной борьбѣ безъ вспышки страсти, безъ упоенія близкой побѣдой, которая идетъ въ нашей жизни,—о высшемъ значеніи этой борьбы, можетъ быть, не менѣе тяжелой и требующей не менѣе самоотверженности. Герои ея незамѣтны, имена ихъ навсегда останутся неизвѣстными... Но тѣмъ выше ихъ подвиговъ.

Шли годы. Но бодрое слово не изгладилося изъ памяти.

И такимъ незамѣтнымъ, невиднымъ героемъ мнѣ всегда казался народный учитель.

Сливаясь въ общей сѣрой жизни съ народомъ, онъ дѣлилъ съ нимъ всѣ его невзгоды. А въ награду за тяжелый трудъ, за безотрадную жизнь на него налагали... обѣтъ нищеты, самоотреченія и покорности.

На жалкіе гроши его нищенскаго вознагражденія нельзя прокормить семью, нельзя одѣться, выписать газету, купить книжку. Мнѣ не забыть разсказа учительницы о томъ, съ какимъ отчаяніемъ перебивалась она, заброшенная въ глухую деревушку. Ни денегъ, ни медицинскій помощи, а ея маленькая дочка лежала въ горячкѣ. И на кровать разметавагося въ жару ребенка свозъ трещины и щели гнилой стѣны пробивался снѣгъ...

Отъ учителя требовалось во имя его дѣла отреченіе отъ самыхъ законныхъ радостей жизни—отъ семьи. Только что, на этихъ дняхъ, пять женскихъ обществъ ходатайствовали передъ пе-

тербургской думой объ отменѣ суроваго постановленія о недопущеніи учительницамъ городскихъ школъ совмѣщать замужество съ педагогическою дѣятельностью. Послѣ долгихъ обсужденій въ комиссіи по народному образованію рѣшили... оставить въ силѣ постановленіе о безбрачій учительницъ.

Покорность?... Говорить-ли о томъ, что, начиная съ волостного старшины, съ писаря, отъ учителя всѣ требовали покорности. За нимъ, опутаннымъ циркулярами, распоряженіями, программами, лишеннымъ всякой инициативы, зорко слѣдило недремлющее око—не сказалъ бы лишняго слова, не научилъ бы чему сверхъ программы.

Хуже того. Отъ него, отъ учителя, отъ учителя народа, требовали, чтобы онъ въ самомъ себѣ убилъ самое цѣнное, что есть въ человѣкѣ—живую мысль.

Какъ зорко оберегали его отъ честной книги, порядочной газеты, отъ невиннаго и корректнаго журнала. Какой опасностью являлась книжка Вѣстника Европы или томикъ Бѣлинскаго!

Встаетъ грозный призракъ народнаго невѣжества, встаетъ на заревѣ пожаровъ, среди нищеты, голода и крови...

Но подъ толстой корою льда всегда пробивается струйка живой воды. Чуть пахнетъ тепломъ—и она взламываетъ узлы и вырывается на волю.

Наступаютъ дни, когда на благо-родномъ поприщѣ учителя закипитъ горячая работа. Понадобится много силъ, много энергіи, чтобы двинуть дѣло духовнаго раскрѣпощенія народа, посвятить сѣмена правды и сознанія своихъ человѣческихъ правъ. Тьма такъ велика, дѣла такъ много... Почетное мѣсто учителю въ предстоящей созидательной работѣ!

«Самая высокая и самая благородная роль въ нарождающемся демократическомъ обществѣ, говоритъ Золя въ своемъ романѣ: «Истина», принадлежитъ народному учителю... «Миссія учителя въ деревнѣ, повидимому, такая скромная—это современное апостольство, это важнѣйшее дѣло, которымъ создастся завтрашнее общество»... «Блаженны знающіе, блаженны интеллигентные, люди крѣпкой воли и энергіи, ибо ихъ будетъ царство земное»...

Но готово-ли къ этой миссіи наше учительство? О да! Надо побывать на учительскихъ сѣздахъ, самому пережить часы напряженного подъема, слышать простыя, безхитростныя, честныя рѣчи, чтобы повѣрить этому и знать, что наша подвижница—народный учитель не угасилъ духа.

Съ этихъ сѣздовъ они возвращаются въ свои медвѣжьи углы, ободренные товарищеской поддержкой, обсудивъ совмѣстно тактику предстоящей работы, чтобы съ обновленной энергіей приниматься за дѣло. Въ добрый часъ!

...«Двиньте вперед!» П.—Н.

ЩИ.

— А ты замѣтилъ, Лабунскій, какой «псиной» нынче щи воняли? Я ихъ не ѣлъ, сказалъ самый серьезный изъ рядовыхъ, Макаренко, рядовому другой роты.

— Учтивъ ты больно: «не ѣ-элъ»! передразнилъ его съ улыбкой огорченія Лабунскій. Да кто сталъ бы жрать ихъ сегодня? Развѣ изъ страха или угодливости, не знаю передъ кѣмъ, а потомъ блевать, гдѣ ни попадя? А я, какъ на смѣхъ, самъ видѣлъ, какъ нашъ старшій врачъ ихъ пробовалъ да похваливалъ, — саркастически улыбаясь, прибавилъ Лабунскій.

— Что ему не похваливать?! Онъ «пробяне» ѣлъ, а нашихъ онъ не нюхалъ, покойничкихъ щей то, будь они прокляты! Тыфу ты! Холера хозяйственная!! Полковникъ у насъ на рѣдкость человѣкъ! Непремѣнно при опросѣ претензій ему доложу, а то и на инспекторскомъ смотрѣ прямо.

— Нѣтъ, ужъ ты лучше не борзись, братецъ, а то намъ полковника спортишь — заѣсть придишкой да карцерами задуть. Лучше такъ сдѣлай: въ дисциплинномъ тонѣ, опять таки учтиво, Такъ и такъ скажи — Ваше Высокородіе, осмѣливаюсь доложить, что въ щахъ, Ваше Высокородіе, была анбре.

— Какъ?!

— Анбре, говорю.

— Это ты по каковски? Что это значитъ?

— Попросту: вонь. А слово это я выучилъ еще, когда былъ деньщикомъ у нашего ротного. Доктору-то другая порція была подана.

— Оно и понятно... сказалъ Макаренко.

А вѣдь сегодня уже пятерыхъ рвало.

— Лишнюю работу докторъ себѣ задаетъ: завтра опять полный околотокъ солдатъ будетъ! Лучше бы по чести изъ общаго солдатскаго котла испробовалъ, да вообще повнимательнѣе былъ къ нашему брату... А то не лучше офицеровъ... Лабунскій сплюнулъ въ сторону и быстро куда то удалился.

Ник. Павловичъ.

Въ копоти мазута.

(БАКИНСКІЕ НЕФТЯНЫЕ ПРОМЫСЛЫ).

I.

За ночь мнѣ припомнился адресъ одного близкаго знакомаго, рабочаго на заводѣ Нобеля въ Черномъ Городѣ.

— „Не выгонить, дасть приютъ на время“, думалъ я. Проходившій мимо анбаль *) взялся снести вещи за 30 к. — верстѣ пять, шесть.

Мы прошли промежуточный пустырь, гдѣ ночью никто не осмѣливается пройти, — а тѣхъ немногихъ, рискнувшихъ въ опасный путь, утромъ находятъ зарѣзанными или застрѣленными. Днемъ опасаться здѣсь нечего.

Этотъ-же пустырь служить границей для черты акциза на керосинъ. Въ Черномъ Городѣ онъ продается отъ 24 к. за пудъ, а въ Баку на него цѣна такая-же, какъ вездѣ.

Видъ Чернаго Города напоминаетъ мѣсто вчерашняго пожара. Отъ единственной мощеной улицы расходятся вѣчно грязныя, пропитанныя мазутомъ пустынные переулки. На каждомъ изъ нихъ по канавамъ стекаетъ грязная, покрытая жиромъ мазута, вода изъ заводскихъ холодильниковъ. По вѣзмъ на правленіямъ, подобно гигантскимъ жгутамъ, тянутся чугунныя трубы. По этимъ трубамъ Балаханы, Сабунчи и Романы за 13 верстѣ гонять свой мазутъ по черноморскимъ заводамъ, гдѣ изъ него вырабатывается керосинъ и другія вещества. Здѣсь уже не можетъ быть рѣчи о вѣткѣ растительности, травкѣ или птичкѣ. Все — земля, воздухъ, строенія, люди — прокопчено сажей, пропитано мазутомъ.

*) Переносчикъ тяжестей по городу.

Мы подошли къ номерамъ Наджарова. Это — одно-этажное зданіе безъ крыши, съ сотней комнатъ на три улицы, въ которыхъ ютятся около 1000 жильцовъ. Я вошелъ въ указанный мнѣ номеръ и... попятился. „Неужели здѣсь живетъ Андрей?“ мелькнуло у меня въ головѣ. Комната въ двѣ квадратныхъ сажени была болѣе чѣмъ наполовину занята тремя кроватями, столомъ и парой табуретокъ. И все это было пропитано сажей и мазутомъ. Четыре женщины, подходившія по своей чистотѣ къ обстановкѣ, съ любопытствомъ разглядывали меня.

— Извините... вѣрно я ошибся...

— И вы не знаете меня? — проговорилъ знакомый голосъ.

Съ улыбкой на костявомъ лицѣ на меня глядѣла жена моего знакомаго.

— Мотя... Матрена Афанасьевна — ты-ли!

— Развѣ такъ измѣнилась? — улыбка на ея лицѣ смѣнилась горькой провѣей, скрывавшей недовольство.

— Да вѣдь ты — старуха! — удивлялся я.

— Двадцать пять лѣтъ скоро минетъ...

Отъ избытка радостнаго чувства или замѣшательства я не успѣлъ сообразить, что такія выраженія не правятся женщинамъ, въ особенности, бывшимъ нѣкогда красивыми. А Мотя четыре года тому назадъ не имѣла равной себѣ по красотѣ въ нашемъ округѣ.

— Ты больна?

— Выдумаетъ еще...

Три остальныхъ жилищки съ досадливой насмѣшливостью мѣрили меня глазами. Одна изъ нихъ, старуха-мордовка, начала громко съ акцентомъ говорить.

— Видишь, чѣмъ дышимъ! Это что?!—и костлявая рука потянулась къ отворенной двери и форточкѣ:—Гляди, што летитъ... У насъ въ Россіи такъ снѣгъ летитъ.

На самомъ дѣлѣ, сажа хлопьями, какъ снѣгъ, спускалась изъ сосѣднихъ трубъ.

— Почему же не уѣдете отсюда?

— Куда?!—и Мотя уставилась на меня полинявшими глазами.—Вы, какъ будто не знаете, что нашей земли одному брату съ дѣтьми не хватаетъ...

Мордовка кричала, точно я глухой былъ:

— Нужда, батюшка, нужда живетъ, а не мы!.. Нужда-а-а.. Она качала люльку съ ребенкомъ.—На что бы лучше жить дома въ Россіи—рай дома-та,—а жрать-то што будемъ!?... Я вотъ старуха и то помирать не охота на чужой земля; а они молодые, еще труднѣй имъ.

— Сколько васъ въ этой пещерѣ?

— Восемь—безъ дѣтей, а съ тобой будетъ девять, если захочешь съ нами пожить.. Тогда съ дѣтьми будетъ тринадцать.

И это на двухъ квадратныхъ саженяхъ!

Я поморщился. Но выбора не было.

— Не бойся, на кровати положимъ... Вонъ, Катя съ мужемъ постелятъ на полу. Какъ хочешь, только здѣсь въ Черномъ Городѣ лучше не думай искать комнату. Ни за какія деньги не найдешь!—говорила Мотя.

Катя—на видѣ еще дѣвочка, но съ поблекшимъ уже лицомъ, сказала:

— Мы все время спали на полу. Одни тутъ уѣзжали въ Россію, ну и продали кровать за четвертакъ.. Да коротка. Вотъ этому плуту какъ разъ.—Она принялась ерзгать губами по лицу ребенка, котораго кормила грудью.

— Ухъ ты плутина...

Мотя хотѣла заварить чай, но воды не оказалось въ квартирѣ. Она взяла ведро.

— Пойдемъ, я покажу, гдѣ работаетъ Андрюша. Да кстати посмотришь, какой у насъ здѣсь родникъ,—Она засмѣялась.

Мордовка напутствовала меня.

— Не узнаешь таперя Андрея, не узнаешь, ежели давно невидались!

— Четыре года.

— Ну, гдѣ узнать яво! Такой сталь...

Мы вышли на мощеную улицу.

— Неужели вы не въ состояніи содержать одни комнату?—спросилъ я.

— Смогли бы, а куда дѣнешь жильцовъ?.. Нѣтъ комнатъ. Мы уже за мѣсяць знаемъ, которая опорожнится; да нѣтъ ихъ. А въ Баку имъ ходить ночевать далеко.

Я сказалъ, что и въ Баку мнѣ вчера не удалось найти.

— То-то и есть. Такъ вотъ и живемъ. Платимъ всѣ поровну, чтобы никому не досадно было.

— Плохое-же ваше житъе.

— Вѣдь ѣхали сюда, не знали, что въ адъ кромѣшный ѣдемъ!—возразила она:—вѣрили рассказамъ, что здѣсь можно деньги заработать, а пріѣхали, свое все до нитки проѣли.

— Неужели за четыре года не заработали?..

— Да гдѣ заработать! Развѣ стали бы жить, если-бы заработали!.. Такъ вотъ и мучаемся пока-что—терпимъ... Давно-ли—продолжала она—поступилъ онъ на хорошее мѣсто, а то все шлялся безъ дѣла или по семи гривенъ въ день... На пищу не хватало. Здѣсь вонъ картошка по три копейки за фунтъ продается. Не живя умрешь,—заклчила она.

Мнѣ становилось тоскливо, скучно.

— Да еще мы-то ничего,—начала она: съ полгода онъ работаетъ на хорошемъ мѣстѣ, на дорогу откладываемъ, а посмотри на другихъ... Страшно подумать, за что люди свой вѣкъ губятъ... до сыта хлѣба не наѣдаются, а безъ дѣла-то—тысячи!

— Какъ-же они-то? полюбопытствоваль я.

— А ужъ это дѣло ихнее!—вдругъ разсердилась Мотя:—если-бы мы узнали да накормили ихъ, тогда можно спрашивать. А такъ нельзя интересоваться чужимъ горемъ... Кто какъ знаетъ, такъ пусть и живетъ.

Мы подошли къ канавѣ, въ которую была проведена съ завода парная трубка. Паръ остывалъ въ ней и горячая вода чуть капала въ подставляемое ведро. Три женщины сидѣли на ведрахъ, ожидая очереди.

— Вотъ нашъ Кустовскій родникъ,—чуть улыбулась она: гляди, какая зелень кругомъ,—она махнула ведромъ, показывая на пропитанную мазутомъ канаву: ни дать, ни взять, какъ нашъ родникъ въ Кустовкѣ... хи-хи.

На мой вопросъ, сколько ей придется дожидаться, пока дойдетъ очередь до нея, она отвѣчала:

— Часика полтора посижу... что подѣлаешь. Потерпимъ пока что... А ты иди къ заводу. Андрюша скоро обѣдать пойдетъ. Встрѣтитесь...

II.

Въ Сурханахъ.

Изъ Балаханъ мы рѣшили проѣхать въ Сурханы—мѣсто священнаго огня. Черезъ двадцать минутъ поѣздъ остановился у платформы вблизи круглаго каменнаго зданія съ башнями и безъ оконъ. Это древній монастырь огнепоклонниковъ. Войдя въ ворота, мы очутились на широкомъ заросшемъ травой дворѣ. Посрединѣ стояла часовня съ жертвеннымъ камнемъ въ углубленіи. Въ былое время на камень возлагали жертвы, зажигали проведенныя изъ земли газовыя трубки—и жертва возносилась на небо... Еще не такъ давно сюда собирались огнепоклонники изъ Персіи и Индіи, но русское правительство запретило религіозныя отправления. Въ настоящее время здѣсь тишь и запустеніе.

Мы прошли по крышѣ круглаго зданія, гдѣ изъ нѣкоторыхъ трубъ вылетало бездымное пламя. Стоило чиркнуть спичку и бросить ее въ трубу, чтобы вызвать пламя на нѣсколько мѣсяцевъ.

Съ внутренней стороны въ зданіи, опоясывающемъ дворъ, видѣлись темныя ходы въ кельи. Въ одной, вѣроятно, служившей для проповѣдей, въ дальнемъ концѣ стояло нѣчто вродѣ каменнаго трона, съ двумя газовыми трубками по бокамъ. Темное помѣщеніе съ низкими, давящими сводами, землянымъ поломъ, гдѣ при мерцаніи газа на каменномъ тронѣ возсѣдалъ жрецъ въ мантии, проповѣдующій о вѣчномъ скитаніи душъ,—должно было производить сильное впечатлѣніе на полудикихъ язычниковъ.

Всегда серьезный, угрюмый отъ природы, молчаливый, Андрей на этотъ разъ задумалъ пошутить. Онъ сѣлъ на тронъ, зажегъ газъ и, поддѣлываясь подъ тонъ проповѣдника, заговорилъ:

— Слушайте, правомыслящіе! Вы находитесь въ мѣстѣ священнаго огня,

въ мѣстѣ приношенія жертвъ Тому, Который для чего-то создалъ васъ и бросилъ въ это подземелье...

Портниха хихикнула и пошла къ выходу.

— Я не люблю философіи... Идемте.

— Послушаемъ, — сказала сестра Андрея. Если онъ скажетъ 30 словъ, то на мѣсяцъ заговѣтся разговаривать.

Остальные съ улыбкой глядѣли на него.

— Тотъ самый Творецъ, — продолжалъ Андрей тяжелымъ голосомъ, сотворилъ васъ и заперъ въ подземелье, а пищи вамъ не далъ и свѣта лишилъ. Люди начали сталкиваться во тьмѣ; одни падали, другіе давили ихъ и глодали. Онъ далъ способность не уменьшаться людямъ, а размножаться... Для чего это — я не знаю.

Постепенно его тонъ изъ шутливаго перешелъ въ мрачный, давящій.

— Помните: сильные слабыхъ смяли подъ ноги. Насъ вотъ свалили и топчутъ и гложутъ, а мы корчимся и кусаемъ ихъ ноги, обутыя въ стальные сапоги.

— Довольно! — крикнула портниха. Поѣздъ уйдетъ. — Ее никто не слушалъ.

— Но сильными надо считать лежачихъ, а не топчущихъ, потому что лежачему бороться куда труднѣе... Много труповъ наложено одинъ на другой, — до самаго каменнаго свода. Мы лѣземъ по трупамъ нашихъ братьевъ все выше да выше. Мы пробиваемъ своими головами толстый сводъ, потому что у насъ нечѣмъ больше... Сводъ трещить, скоро онъ рухнетъ подъ напоромъ головъ и свѣтъ солнца проникнетъ къ намъ въ подземелье — не того солнца, которое блеститъ, какъ этотъ газовый рожокъ, а солнце истины. При его свѣтѣ давящіе увидятъ искаженныя злобой и страданіемъ лица лежачихъ — увидятъ и устыдятся, потому что узнаютъ въ нихъ своихъ братьевъ. — Андрей заволновался. Но не думайте, что мы бросимся и съѣдимъ своихъ палачей!... Нѣтъ, мы пожмемъ имъ руки и мирно разойдемся, но глодать наши кости не велимъ.

— Аминь! — сказала Андреева сестра.

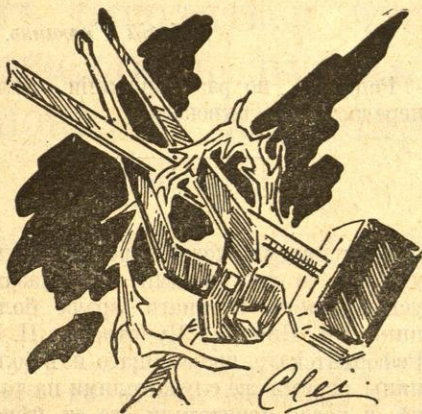
Тяжелое впечатлѣніе произвела на насъ его „проповѣдь“.

Солнце закатывалось. Насъ попросили къ выходу, такъ какъ на ночь монастырь запирается.

Поѣздъ тронулся. Томный южный вечеръ падалъ на озимыя поля. Невидное днемъ вѣчное пламя на башняхъ монастыря лизало тихіе сумерки. А изъ-подъ горы выглядывали вершины промысловыхъ вышекъ и промыслы, подобно Содому и Гоморрѣ, отравляли чистый воздухъ гарью и копотью безчисленныхъ трубъ.

Рабочій

Федоръ Черный.

Статья г. Макъ-Кулла.

Въ самомъ большемъ англійскомъ журналѣ *Foillightly Beviw* за февраль мѣсяцъ 1906 г. появилась оригинальная статья извѣстнаго англійскаго писателя Макъ-Кулла подъ заглавіемъ: *Отступленіе отъ Мукдена*. Францъ Макъ-Кулла присутствовалъ въ качествѣ спеціального корреспондента отъ *New-York-Herald* (Paris) при самыхъ главныхъ перипетіяхъ Русско-Японской войны. Еще ранѣе того онъ издалъ въ Лондонѣ книгу, озаглавленную: «Съ казаками», посвященную воспоминаніямъ о его пребываніи въ отрядѣ Мищенко. Онъ проводитъ въ своемъ сочиненіи между прочимъ параллель между «Петербургскими казаками», рассказы о подвигахъ которыхъ навели ужасъ на весь міръ, и забайкальскими казаками, патриархальная жизнь которыхъ кажется ему полной неизъяснимой прелести. Мнѣ удалось познакомиться съ М.-К. для того, чтобы его рассказами допол-

нить потрясающее впечатлѣніе отъ его статьи: *Отступленіе отъ Мукдена*.

По его словомъ, невозможно человеческими словами описать всѣ ужасы гигантской бойни, которой онъ былъ свидѣтелемъ. Мрачныя изображенія фантазіи средневѣковыхъ художниковъ, описывавшихъ адъ, совершенно блѣднѣютъ передъ реальной дѣйствительностью тѣхъ картинъ, которыя развернулись передъ нимъ у Мукдена.

Въ отступленіи русскихъ войскъ ему пришлось примкнуть къ отряду, который покинулъ послѣднимъ страшныя равнины Мукдена. Не было совершенно никакой физической возможности подбирать всѣхъ раненыхъ, тѣла которыхъ безпрестанно нагромождались одни на другія... Тѣ изъ нихъ, которые были покрѣпче и посильнѣе, пытались было вначалѣ слѣдовать за или удаляющимся отрядомъ, въ отчаяніи простирая по направленію къ нему съ проклятіями и стонами, свои окровавленные руки. Но отрядъ все удалялся. Неумолчные вопли этихъ несчастныхъ еще долгое время звучали въ ушахъ М.-К. несмотря на то, что отрядъ вскорѣ оставилъ далеко позади себя ихъ зловѣщій cortege.

Особенно ужасно было сознаніе того, что всѣ отсталые, всѣ раненые, всѣ умирающіе неизбѣжно должны были стать добычей хунхузовъ, подобно стаѣ шокаловъ, слѣдовавшихъ за арміей; они отбирали отъ раненыхъ все, что можно было отобрать, и въ заключеніе сдирали съ нихъ одежду и оставляли ихъ, обнаженныхъ, томиться въ длительной агоніи подъ суровымъ небомъ Манчжуріи. Порою они истязали раненыхъ или же глумились надъ трупами подъ покровомъ ночи. Солдаты и офицеры тысячу разъ предпочитали погибнуть въ огнѣ битвы — одна мысль попасться ранеными въ руки хунхузовъ наводила на нихъ панический.

Отрядъ непрестанно двигался нѣкоторое время, но вдругъ цѣлый градъ снарядовъ началъ выбивать изъ его рядовъ солдатъ. Онъ былъ окруженъ японцами. Солдаты бросили оружіе, командиръ выкинулъ парламентарскій флагъ. Градъ вы-

стрѣловъ продолжалъ, однако, раздаться еще нѣкоторое время.

М. К. и его товарищи по несчастью были взяты въ плѣнъ и направлены черезъ Дальній въ Токио. Онъ былъ помѣщенъ въ Scheigoko въ кварталѣ русскихъ офицеровъ. Японцы, узнавъ, что онъ — англичанинъ, стали выказывать ему знаки всевозможнаго вниманія. Они отвели для его пребыванія хорошенькій домикъ, изъ котораго онъ все-же не могъ выходить до самого конца своего плѣна. Но японцы далеко не были такъ предупредительны по отношенію къ русскимъ офицерамъ, что и заставило М. К. употребить всѣ усилія для того, чтобы по возможности улучшить положеніе своихъ сотоварищей по плѣну. Это ему вполне удалось и русскіе офицеры оставили ему на память лаконическую аттестацію, подписанную капитаномъ Мартовымъ, которую англійскій писатель приводитъ въ своей статьѣ: „Макъ-Кулла отнесся къ намъ въ высшей степени внимательно и любезно. Онъ содѣйствовалъ лучшему отношенію къ намъ японскаго офицерскаго персонала. Обстоятельства взятія насъ всѣхъ ему извѣстны

Капитанъ Мартовъ».

Статья М. К. даетъ много новыхъ данныхъ относительно Мукденскаго отступленія. Онъ вполне понимаетъ значеніе Русско-Японской войны для внутренней исторіи Россіи. Статья его снабжена цитатой изъ Пушкина, написанной по русски:

...Но въ искушеньяхъ долгой кары,
Перетерпѣвъ судебъ удары,
Окрѣпла Русь...

Жоржъ Вейтло.

Письма въ редакцію.

М. Г.

Не откажите дать намъ совѣтъ.

2 года тому назадъ, отошедши отъ Кенига, я захотѣлъ вступить въ артель перевозчиковъ и переносчиковъ на Суворовскомъ проспектѣ, во главѣ которой стоялъ староста Мишинъ. Я внесъ въ артель 100 рублей (жена вносила), но мнѣ таки не пришлось служить въ артели, потому что въ ту пору меня приняли артельщикомъ въ Товарищество Русско-Австрійской мануфактуры для выработки клеенки. Сюда

поступивши, я еще нѣкоторое время медлилъ взять свои деньги обратно.

Но за то время артель не поладила съ Мишинымъ, отошла отъ него и избрала новаго старосту. Объ этомъ я не получилъ никакого уведомленія отъ Мишина. Когда же я пришелъ къ нему, то онъ сталъ меня увѣрять, что деньги мои не пропадутъ. Все тянулъ да тянулъ, а потомъ и объявилъ мнѣ, что мнѣ съ него нечего получить — залогъ мой переданъ въ новую артель на Фонтанку. Я пошелъ туда. Тамъ сказали, что ничего не знаютъ о залогѣ. Мишинъ тоже отказывается. Научите, что намъ дѣлать? Прилагаемъ при семъ квитанціи.

Рабочій Гулюгинъ.

Редакція, по разслѣдованіи дѣла, передастъ его адвокату.

М. Г.

Въ то время, когда городская дума умилно и со слезами на глазахъ успокаиваетъ главнаго врача больницы Св. Николая Чудотворца Н. Н. Реформатскаго, вывезеннаго изъ больницы своими же служителями на тачкѣ, и когда почитатели его съ пѣной у рта поютъ ему хвалебные гимны за его заслуги, — въ то самое время въ больницу Св. Николая Чудотворца производится многочисленные аресты тѣхъ именно людей, которые, потерявъ всякую надежду мирно, путемъ убѣжденій, добиться отъ начальства улучшенія своего положенія, вынуждены были обратиться къ активному протесту.

Тамъ арестовано болѣе 25 человѣкъ, изъ которыхъ большинство женаты и имѣютъ семьи и которымъ, безъ сомнѣнія, грозитъ холодъ, голодъ и всякія невзгоды. А между тѣмъ виноваты ли во всемъ этомъ прискорбномъ происшествіи сами больничные служители? Намъ кажется, что всякій, положивъ руку на сердце, скажетъ, что виноваты скорѣе тѣ именно порядки, которые способствовали возникновенію такихъ ненормальныхъ явленій въ больничной жизни.

И въ самомъ дѣлѣ, что сдѣлала городская управа для улучшенія поистинѣ каторжной работы больничныхъ служителей и сидѣлокъ? Попречному, какъ и въ приказное время, они получаютъ нищенское содержаніе, темныя, тѣсныя и грязныя конуры гдѣ нибудь въ подвальныхъ помѣщеніяхъ и около ретирадныхъ мѣстъ; какъ и раньше, они порою безсмысленно проводятъ дни и долгія безсонныя ночи подъ постоянными стенами и вздохами больныхъ, вдыхая заразу и рискуя погибнуть отъ чахотки, сыпного тифа или какой либо другой заразной болѣзни.

Вѣдь, если подумать хорошенько, то дѣло больничнаго служителя или сидѣлки очень ответственное и во всякомъ случаѣ нельзя его сравнять съ работой, напримѣръ, дворника или швейцара. Вѣдь выносить отъ больного горшки и разныя вонючія повязки и хладнокровно переносить всевозможные его капризы не всякому доступно и надо быть въ высшей степени терпѣливымъ и добрымъ, чтобы всякія претензіи больного, порою и неумѣстныя и даже обидныя для служителя, перенести, не принявъ близко къ сердцу, дабы тѣмъ еще больше не разстроитъ уже и безъ того больного человѣка.

А если всѣ эти качества необходимы для всякихъ больничныхъ служителей, то они тѣмъ паче нужны для тѣхъ изъ нихъ, которые ухаживаютъ за умалишенными, которые безсознательными своими дѣйствіями очень часто могутъ вывести человѣка изъ терпѣнія. Вотъ тутъ то служители и должны выказать свое ангельское терпѣніе.

Но, къ великому несчастью, именно въ больницахъ для душевно больныхъ и встрѣчаются — то больные съ переломанными ребрами отъ слишкомъ усерднаго ухода больничныхъ служителей. И совсѣмъ не удивительно, скажемъ мы, если принять во вниманіе, что вообще служительскій кадръ въ больницахъ пополняется у насъ не изъ людей, приготовленныхъ для этой очень ответственной и тяжелой во всѣхъ отношеніяхъ службы, а съ сыннаго рынка или же прямо съ улицы.

И только съ устройствомъ специальныхъ курсовъ хотя бы на 1—2 мѣсяца для подготовки больничнаго служительскаго персонала, а также съ улучшеніемъ его служебной обстановки путемъ повышенія жалованья, уменьшенія рабочаго дня, улучшенія квартирныхъ условій установленія болѣе человѣческаго съ нимъ обращенія со стороны начальства — можно ожидать удовлетворительнаго разрѣшенія вопроса о больничныхъ служителяхъ.

И только тогда, надо полагать, больничные служители перестанутъ ломать ребра своимъ больнымъ и вывозить на тачкахъ свое начальство.

Р. III.

Трибуна.

Трибуна предназначена для того, чтобы дать возможность рабочему пролетариату высказывать свои нужды. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ трибунѣ будетъ отводиться мѣсто для рабочихъ и крестьянъ, которые пожелаютъ путемъ обмѣна мнѣніями выяснить истинное отношеніе пролетариата къ послѣднему движенію.

Мнѣнія рабочихъ о послѣдней забастовкѣ.

Мнѣнія многихъ рабочихъ, а также и мои:

Почему послѣдняя забастовка была не дружна, а поэтому не всеобща, объ этомъ, конечно, каждый вдумчивый и работающій въ заведеніи, превышающѣмъ 30 челов., рабочій имѣетъ свои мнѣнія. И мнѣ кажется нужнымъ чтобы указать, что за причины, которыя помѣшали ей.

Ихъ можно раздѣлять на два разряда: духовныя и физическія.

Отъ одного изъ рабочихъ я слышалъ, что *въра во всеобщую забастовку ослабла*. Но это мнѣніе, мнѣ кажется, невѣрно, потому что не было у него доказано причинъ, почему?

1-я причина безучастнаго отношенія къ забастовкѣ *несознательной части рабочихъ* — духовная подавленность настроенія отъ атмосферы, навѣянной репрессивными мѣрами.

2-я. Отъ начала возникновенія С. Р. Д. на нѣкоторыхъ заводахъ *обнаружились нечестные поступки депутатовъ*, которые сильно пошатнули вѣру у рабочихъ въ свое освободительное движеніе. Нельзя отрицать, что это есть самая дѣйствительная причина охлаждения рабочихъ. Другой, конечно, вопросъ, уже отклоняющійся въ сторону: что за причины такого явленія, что выбранные рабочими-же депутаты, оказываются несоотвѣтственными назначенію? Зараженіе запавшимъ недовѣріемъ къ депутатамъ сильно расходится среди рабочихъ, такъ какъ это одно изъ

больныхъ мѣстъ *каждого изъ насъ*. Такъ вотъ вторая духовная причина: недовѣріе къ новымъ депутатамъ, а также и къ призыву къ забастовкѣ на нѣкоторыхъ заводахъ.

Физическія: 1-я — невозможность собраній повела къ тому, что важность и величина причины, и, поэтому, необходимость забастовки не была выяснена большинству рабочихъ и многимъ призывъ показался только желаніемъ С. Р. Д. удовлетворить себя своей диктаторской властью. Эта-то причина и есть главная физическая причина, *недавняя* намъ двинуться на пассивный протестъ *болѣе организованными*, чѣмъ прежде, а наоборотъ — заставившая насъ встрѣтить забастовку дезорганизованными. — 2-я и самая не важная на мой взглядъ, причина — безденежье у части, конечно, рабочихъ. Почему я сказалъ: не важная? Да потому, что ссылку на безденежье и голодъ слышишь болѣе отъ закоренѣлыхъ въ безсознательности, въ невѣжествѣ людей, не имѣющихъ денегъ на черный день и если можно ее, ссылку на голодъ, признать, то не въ той величинѣ, какъ ее многіе представляютъ.

Я также несогласенъ съ тѣмъ, что слышалъ отъ одного интеллигента, что неудачность этой забастовки, произошла оттого что къ пассивному протесту рабочие большинствомъ охладѣли.

Я потому несогласенъ, что замѣчаю, что болѣе неповоротливыхъ и недвижимыхъ совѣтъ мѣшковъ во всѣхъ отношеніяхъ, и духовно и физически, которыхъ еще долго надо расквашивать, чтобы сдвинуть.

Рабочій.

Послѣ того, къ чему мы пришли и что пришлось намъ переиспытать за послѣднее время, невольно задумываешься надъ тѣмъ, почему все это случилось такъ, а не иначе? На эти вопросы каждый отвѣтитъ по своему. Болѣе правдивый отвѣтъ, что нужно было подождать, дать оправиться истощенному народу. Но С. Д. П., эта — „выразительница“ рабочихъ интересовъ, позавидовавъ успѣху рабочихъ, захотѣла получить благодарность за содѣянное добро и удивить весь міръ своими чудными тактическими приемами. Она объявила, не сообразуясь съ положеніемъ дѣла, всеобщую забастовку. Кажется, все было хорошо приготовлено, успѣхъ обезпеченъ. И вдругъ неудача! По нашему, въ этомъ виновата болѣе всего сама „истинная“ „единственная“ выразительница рабочихъ интересовъ. Выразители только говорили очень много да выносили резолюціи, писали приказы и циркуляры. Не соединившись сами, они въ то же время просили всѣхъ соединяться. И вотъ рабочіе, видя, что вся сила въ нихъ самихъ, а не въ выразительницѣ интересовъ пролетариата и что благодаря этой силѣ они могутъ самостоятельно дѣйствовать болѣе успѣшно, перестали уже такъ слѣпо довѣряться разнымъ циркулярамъ, никакой пользы не приносящимъ, какъ доказали послѣднія забастовки. Первую забастовку въ Октябрѣ мѣсяцѣ рабочіе проводили самостоятельно, избравъ изъ своей среды совѣтъ рабочихъ депутатовъ болѣею частью изъ безпартійныхъ делегатовъ, чтобы имѣть связи со всѣми рабочими Петербурга. Рабочіе, благодаря этой самостоятельности, добились кое-какихъ результатовъ. Этотъ первый успѣхъ пролетариата раскрылъ глаза многимъ и показалъ непригодность существующихъ порядковъ. И многіе люди, которые прежде ни о

чемъ не думали кромѣ того, какъ бы поскорѣй дожидаться 20 числа да получить за порчу казенной бумаги деньги, теперь задумываются. Все это получилось благодаря собственной инициативѣ рабочихъ подъ руководствомъ немногихъ истинно преданныхъ дѣлу людей.

Но когда С. Р. Д. сталъ подпадать подъ вліяніе С. Д. и заразился такимъ же абсолютизмомъ, то сталъ уже, не спрашивая согласія рабочихъ, проводить свои постановленія. Но, скажутъ, какъ-же такъ безъ согласія рабочихъ? Почему же они молчали, если не согласны? Да, это такъ, согласіе было. Но согласіе было насильственное, не какъ первый разъ. Русскій же рабочій еще не освободился отъ того состоянія чтобы могъ открыто говорить о томъ, что онъ думаетъ. И все это благодаря «выразительницѣ» пролетаріата, потому что даже находясь въ ея рядахъ рабочимъ строго приказывается безприкословно исполнить приказъ Ц. К. даже, если бы это было несообразно съ положеніемъ дѣла въ данную минуту. О неорганизованныхъ и говорить не стоитъ. Какъ онъ можетъ, привыкшій къ исполненію всякаго рода приказаній, ослушаться имъ же самимъ выбранный С. Р. Д.? А вѣдь это было-бы ослушаніемъ постановленій С. Р. Д.. И рабочій не хотѣлъ бы дѣлать то, что ему не нравится, но дѣлаеть. Сказалъ бы противъ не правящихся поступковъ, но боится, что его освистятъ «сознательные» и дадутъ кличку черносотенника.

Конечно, бывають предложенія, чтобы высказываться противъ какого либо постановленія. Но на это никто не соглашается, заранее будучи увѣренъ, что все равно ничего не дадутъ сказать «сознательные», которымъ нравится только то, что они говорятъ; до другихъ же имъ и дѣла нѣтъ, каково ихъ мнѣніе.

И вотъ добились, забастовали. Получается черезъ три дня такая картина: одинъ говорить вѣсть нечего, другой тоже. Конечно, тутъ уже нужно отвѣчать за грѣхи кошелькомъ. Нуждающимся открыть стачечный фондъ, кредитъ въ лавки, обѣды изъ чайныхъ. Не знаемъ только, чѣмъ руководились наши благотворители? Дѣйствительно-ли жалостью или же, прикормивъ рабочихъ, можно болѣе разсчитывать на ихъ согласіе въ будущемъ? Если дѣйствительно жалѣли, то не нужно бы доводить до такого жалкаго состоянія. Нужда получилась огромная, а денегъ для помощи оказалось мало. И вотъ вѣдствие крайняго обнищанія неудача. Было и неудовольствіе депутатами за абсолютизмъ. Теперь рабочіе обсуждаютъ всѣ прежніе поступки и промахи своихъ руководителей и говорятъ, что впредь должны слушать только себя и дѣйствовать согласно собственнымъ постановленіямъ, безъ всякихъ совѣтовъ и комитетовъ. А вѣдь два мѣсяца тому назадъ такіе протесты противъ центральной власти С. Д., раздававшіеся со стороны истинно сознательныхъ рабочихъ, подавлялись нашими «выразителями».

Жалко тысячъ людей, пострадавшихъ изъ за глупости можетъ быть десятка.

Группа Семяниковцевъ.

Мнѣнія рабочихъ о Государственной Думѣ.

Народъ добивается, не щадя ничего, собранія народныхъ представителей со всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосовъ. Правительство говоритъ, что только кучка крамольниковъ мутитъ всю Россію, что лучшей жизни народъ и не желаетъ. Если

правительство такъ увѣрено въ этомъ то почему-же оно медлитъ созвать народныхъ представителей на вышеприведенныхъ основаніяхъ? Почему не дать народу самому сказать, дѣйствительно-ли онъ доволенъ? Правительство предлагаетъ Государственную Думу съ хитроумной системой выборовъ, благодаря которымъ большинство голосовъ въ Государственной Думѣ будутъ имѣть помѣщики и крупная и мелкая буржуазія, но отнюдь не крестьяне и рабочіе. И вотъ эти-то люди признаны выразителями народа и должны удовлетворить его требованія. Можно себѣ представить, что это за выразители народного мнѣнія и какъ они будутъ удовлетворять требованія народа.

Рабочій Металлическаго завода.

О Думѣ мнѣній очень мало приходится слышать среди рабочихъ; рѣдко кто интересуется, а большинство совершенно еще безучастно относится. Причиной, конечно, невозможность собираться въ круги съ интеллигентами во главѣ. Ну да она, Дума, слишкомъ мало еще затрагиваетъ рабочихъ, потому что еще къ дѣлу выборовъ никого изъ нихъ не тревожатъ, а только на бумагахъ что-то говорится о выборахъ.

Рабочій.

19 января 1906 г.

Ввиду технических затрудненій газета «Рабочій Міръ» временно будетъ выходить въ видѣ журнала отъ 2 до 3 разъ въ недѣлю.